

В диссертационный совет Д 220.038.11 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина» (350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13)

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Улитина Ильи Николаевича «Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: теоретико-прикладное исследование», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Краснодар, 2021. – 219 с.)

Актуальность темы исследования. Преступления против жизни и здоровья по-прежнему занимают весомое место в структуре преступности. Так, только за 2020 г., согласно официальным статистическим сведениям, зарегистрировано более 7,5 тысяч убийств (покушений на убийство). При этом официальная статистика, как известно, далеко не в полной мере отражает реальную картину (среди тех же ежегодно пропавших без вести лиц, коих тысячи, к сожалению, немало лишенных жизни). «Солидные» показатели имеют и иные статьи главы 16 УК РФ: 109, 111, 112, 115, 116 и др. Так, в 2020 г., опять-таки по данным статистических учетов, зарегистрировано более 20 тыс. случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Все эти данные убеждают в необходимости самого тщательного усиления работы по противодействию преступлениям против жизни и здоровья, в том числе средствами уголовного права. Последнее предполагает совершенствование как норм главы 16 УК (резервы здесь есть и весьма значительные), так и практики их применения. При этом традиционно массу вопросов в процессе квалификации содеянного вызывает трактовка факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья. Анализ практики показывает, что зачастую не проводится четкой грани между мотивом и целью преступления, что, разумеется, недопустимо. Да и обрисовка в статьях главы 16 УК РФ мотивов, целей и эмоций не всегда отличается безупречностью. Порой удивляет также очевидное неединообразие в оценке одних и тех же субъективных признаков различными правоохранительными органами и судами в разных субъектах РФ, а порой и в рамках одного региона нашей страны. Такое положение не может быть признано удовлетворительным, поскольку идет вразрез с принципами уголовного права, в частности, законностью, предполагающей единообразное применение УК РФ. Поэтому подготовка диссертации, в которой плодотворно исследуются рассматриваемые проблемы, является весьма *значимым, полезным и актуальным* событием в науке уголовного права.

Мы в полной мере солидарны с авторской оценкой *степени разработанности* темы: с одной стороны, ей посвящено немало работ, но, с другой стороны, «в них комплексно и детально не рассматривались проблемы факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья с учетом их современной регламентации», а также «в уголовном праве не сложилось единого мнения о факультативных признаках субъективной стороны в составах преступлений, в том числе направленных против жизни и здоровья, их содержании, взаимосвязи и взаимозависимости, а также их значении при квалификации преступного деяния» (с. 5-6).

И.Н. Улитиным была поставлена *цель* формирования комплекса новых доктринальных положений о факультативных признаках субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, а также разработки на этой основе и на базе системного компаративистского анализа нормативного материала, изучения правоприменительной практики предложений по совершенствованию их законодательной регламентации (с. 7). На пути к достижению данной цели автором решался ряд *задач*: определить философское понимание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья; изучить закономерности и особенности конструирования факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в российском законодательстве разных исторических периодов и зарубежном праве; изучить положения уголовно-правовой доктрины, философии и психологии в соответствующей их части; и др. (с. 7-8). После внимательного прочтения научного труда диссертанта у нас нет сомнений в том, что указанная цель им достигнута, а поставленные задачи успешно решены.

В достаточной степени разработаны автором *теоретическая, методологическая, нормативная и эмпирическая основы исследования*. В частности, при подготовке диссертации, помимо всего богатства методов научного познания, использованы: материалы судебной практики по применению статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья (всего изучено 257 уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции различных регионов РФ), материалы судебной практики зарубежных стран, а также обобщенные результаты проведенного автором анкетирования практических работников – 58 следователей и 42 судей – по тем или иным аспектам исследуемой темы (с. 9). Этим же, среди прочего, в значительной степени гарантирована *достоверность результатов исследования*.

Научная новизна диссертации также не вызывает никаких сомнений, поскольку соискателем впервые в доктрине предпринята попытка комплексного и системного исследования эмоций, мотивов и целей в составах преступлений против жизни и здоровья, а также их взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того, новаторство исследования выразилось в разработке комплекса предложений по совершенствованию правовой регламентации факультативных признаков

субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, выработке унифицированных подходов к определению и толкованию целого ряда категорий, с ними связанных. Свое предметное выражение научная новизна работы нашла в положениях, выносимых И.Н. Улитиным на защиту (с. 10-14).

Теоретическая и практическая значимость исследования тоже очевидна и выражается, прежде всего, в том, что его положения и выводы развивают отечественную уголовно-правовую доктрину в части познания сущности факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья. В практическом отношении проделанная работа может представлять интерес для применения и совершенствования уголовного закона, а также для преподавателей ВУЗов и научных работников.

Диссертационный труд прошел *надлежащую апробацию* на различного рода научно-практических форумах, путем внедрения его результатов в учебный процесс и практическую деятельность, а также посредством их отражения в 12 научных публикациях, 5 из которых размещены в изданиях «из перечня ВАК».

Диссертация И.Н. Улитина производит благоприятное впечатление. Композиция работы, включающая три главы, разбитые на семь параграфов, представляется гармоничной и предопределена логикой исследования.

В *первой главе работы* (с. 16-45) рассмотрены философские и уголовно-правовые аспекты понимания факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья. С позиции философии диссертант развивает мысль о том, что преступление как таковое выступает всеобщим (общим), преступление против жизни и здоровья – единичным, а особенным, среди прочего, являются признаки их субъективной стороны. Кроме того, философский анализ привел автора к выводу о том, что связующей «нитью» между эмоциями, мотивами и целями преступлений выступает категория «причинность», которая позволяет выявить соотношение всех признаков субъективной стороны преступлений. Так, причинность умышленных преступлений выступает путем к удовлетворению эмоций, интересов и к достижению целей. Эмоциональное состояние лица, по мнению автора, есть первопричина возникновения цели и мотива совершения деяния, а цель и мотив в свою очередь являются первопричиной возникновения эмоционального состояния, формирующегося во время совершения преступления.

Автор, опираясь на философское знание, доказывает, что каждый факультативный признак выступает первопричиной последующего и следствием по отношению к первичному, оказывая существенное, а порой определяющее влияние на процесс формирования и реализации преступного намерения. Следует согласиться с тезисом автора о том, что «пусковым условием (поводом) совершения преступного деяния выступает субъективная сторона преступления, которая впоследствии (в совокупности с иными элементами) порождает образование состава преступления» (с. 30-31).

В рамках уголовно-правового анализа факультативных признаков субъективной стороны преступления в работе обоснованно отмечается, что они выступают обязательными, квалифицирующими или привилегирующими признаками преступлений, предусмотренных нормами главы 16 УК РФ. Согласны мы и с тезисом о том, что все умышленные преступления против жизни и здоровья, ответственность за которые закреплена в гл. 16 УК РФ, характеризуются предусмотренным в законе или, по крайней мере, фактическим наличием факультативных признаков, свойственных субъективной стороне. Последние могут быть учтены непосредственно в уголовном законе, а могут присутствовать фактически, влияя на реализацию принципа справедливости при назначении наказания (с. 45). Здесь же делается заслуживающий поддержки вывод о том, что именно факультативные признаки субъективной стороны нередко помогают разграничить смежные составы преступлений, определить форму вины, способствуют реализации процесса индивидуализации наказания.

Во второй главе диссертации (с. 46-107) исследуются компаративистские аспекты: делается ретроспективный анализ и дается обзор зарубежного законодательства в ракурсе избранной темы. Автором изучены исторические памятники права (начиная с Русской правды и заканчивая УК РСФСР 1960 г.). Надо сказать, что исторический блок работы получился весьма познавательным, здесь содержится немало ценных в теоретико-прикладном отношении суждений и наблюдений. В частности, отмечается, что еще в законодательстве раннего периода факультативные признаки субъективной стороны учитывались при оценке преступных деяний (так, еще Русская Правда содержала норму об освобождении от ответственности за убийство в состоянии сильного возбуждения, т.е. в определенном эмоциональном состоянии – ст. 26 пространной редакции). Кроме того, Русская Правда признавала право кровной мести (с. 51), что, по сути, указывает на мотивационную составляющую поведения.

Любопытно также, что в памятниках права времен Российской Империи уже обнаруживаются прообразы системы факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья, близкой современной. В рамках Особенной части уголовного закона деяния упорядочивались, в том числе, с учетом общественной опасности и отнесения их к квалифицированным или привилегированным составам (с. 64-65).

Весьма обстоятельным и содержательным получился также анализ зарубежного опыта. Автором тщательно изучены уголовные законы Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Эстонии, а также Модельный уголовный кодекс (далее – МУК), а также законы и правоприменительные акты Англии, Германии, Китая, США, Франции, Японии. Компаративистский анализ показал, что уголовные кодексы стран ближнего зарубежья в целом схожи в части регламентации преступлений против жизни и здоровья. Система последних

выстроена с учетом уровня их общественной опасности. Особенно данное замечание касается стран СНГ, так как их уголовные законы в большей степени соответствуют конструкции, представленной в Модельном уголовном кодексе (с. 89).

Отдельные стороны иностранного опыта автором оцениваются как заслуживающие заимствования, отдельные – как требующие дополнительного обсуждения в отечественной доктрине. Так, представляет интерес регламентация ответственности за детоубийство в Англии: если будет доказано, что женщина находилась в стрессовом состоянии, наказание может быть снижено, либо субъект преступления может быть освобожден от уголовной ответственности. Примечательна также норма об убийстве в состоянии аффекта в США. В п. «b» ст. 210.3 Примерного УК США аффект рассматривается как эмоциональное расстройство, непреодолимая эмоция. Если будет доказано, что субъект преступления совершил убийство в состоянии эмоционального расстройства, но при этом не достиг уровня безумия (невменяемости), его действия квалифицируются как неумышленное убийство (с. 97-98).

Отдельные решения иностранцев соискатель предлагает внедрить и в нашей стране. Так, в положении № 3, вынесенном на защиту, справедливо, на наш взгляд, дается позитивная оценка наличию официального судебного толкования в Республике Казахстан содержания убийства, совершенного с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения; понятия аффективного состояния; вопросов квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта, и преступлений, осуществленных с превышением мер необходимой обороны (с. 11-12, 73-76, 80-81). Действительно, есть основания (и главное – потребность) решить аналогичные вопросы и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Кроме того, в положении № 3, вынесенном на защиту, соискатель, опираясь на опыт ФРГ, предлагает дополнить УК РФ нормой об убийстве (ст. 105.1) из сострадания по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего (с. 11-12, 100, 106). В целом данная идея заслуживает поддержки (редакция же этой нормы – предмет отдельного обсуждения).

В *главе третьей диссертации* (с. 108-176), наиболее, на наш взгляд, масштабной и значимой с точки зрения количества конкретных предложений, рассматриваются законодательные подходы к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья, причем всестороннему анализу подвергнут каждый из трех признаков – мотив, цель и эмоции.

Относительно мотива в диссертации отмечается, что он лежит в основе любой целенаправленной деятельности человека и наряду с потребностями и целями является одним из главных компонентов ее функциональной структуры. Именно мотив определяет ее вид и содержание, от него зависит личностный смысл и готовность к реализации цели.

В работе обращено внимание на то обстоятельство, что при формулировании мотива для преступлений против жизни и здоровья законодатель использует как единственное, так и множественное число. Мы солидарны с соискателем, что такой разноречивой недопустим, и что указание на мотив целесообразно формулировать в единственном числе (положение № 6, вынесенное на защиту – с. 12). Это предложение, заметим, в полной мере согласуется и с теорией законодательной техники. Кроме того, и в этом, на наш взгляд, автор также прав, необходимо устранить характерное для УК РФ неединообразие в использовании терминов «мотив» и «побуждение»: второй термин неточен и нуждается в замене, так как побуждение выступает в качестве компонента мотива (положение № 7, вынесенное на защиту – с. 12-13, 111-112).

Значительный интерес представляют рассуждения автора о хулиганских побуждениях как квалифицирующем признаке убийства и отдельных преступлений против здоровья. В процессе изучения данного вопроса в ходе исследования установлено, что доминирующим обстоятельством здесь выступает внутреннее психическое отношение лица, совершающего преступное деяние, охватывающее осознание факта причинения вреда обществу в целом. В работе небезосновательно отмечается, что в практике при квалификации преступлений нередко ошибочно «смешивается» хулиганский мотив и личная неприязнь к потерпевшему. В этом плане мы разделяем мнение соискателя о том, что субъективная направленность индивида на нарушение общественного порядка, объективируемая в форме наглых, циничных, оскорбительных действий, является главным аргументом при распознавании хулиганского мотива при умышленном причинении вреда жизни или здоровью человека (с. 121-122).

Импонирует нам также идея замены существующей казуистичной и громоздкой формулировки «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной вражды...» на емкий и не менее точный термин «экстремистский мотив» с его расшифровкой в УК РФ (положение № 9, вынесенное на защиту – с. 13, 123). Правда, автор предлагает поместить соответствующую дефиницию в примечание к ст. 105 УК РФ, что представляется не самым удачным вариантом. На наш взгляд, давно пора прислушаться к рекомендациям, разработанным специалистами в области законодательной техники, о дополнении УК РФ статьями с определением терминов и понятий, универсальных для всего Кодекса или одной из его глав (аналог – ст. 5 УПК РФ).

В диссертации при анализе признака «мотив» обращено внимание на тот факт, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ относительно квалификации убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга дается расширительное толкование п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также указывается на то, что мотив мести при совершении данного преступного деяния отличается от мести при совершении простого убийства. Согласимся с автором в том, что в целях точного понимания и

толкования рассматриваемого квалифицирующего признака в названную норму и п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходимо добавить указание на этот мотив (с. 126-127, 136).

Рассматривая признак «цель» в составах преступлений против жизни и здоровья», диссертант указывает, что под ней подразумевается осознанный мысленный образ будущего желаемого результата, в свою очередь предопределяющий содержание совершаемого виновным деяния. При этом цель характерна только для преступлений, характеризующихся прямым умыслом, поскольку наличие цели предполагает желание наступления определенного результата, соответственно, и возникновения общественно опасных последствий (с. 141-143).

Обоснованными, по нашему мнению, являются и очередные законодательно-технические предложения автора, касающиеся уже признака «цель»: об изложении формулировки цели в п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ в единственном числе (с. 140); уточнении наименования квалифицирующего признака в п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ путем дополнения его указанием на все компоненты, названные в ст. 68 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а именно: «с целью использования тела, органов или тканей потерпевшего» (положение № 10, вынесенное на защиту – с. 13, 141; этот шаг, несомненно, устранил рассогласованность между уголовным и иноотраслевым законодательством в рассматриваемой части); изложении квалифицирующего признака, указанного в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, для его точного понимания и толкования в следующей редакции: «...в отношении лица или его близких с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность» (с. 152). Идея видится рациональной, поскольку предлог «в связи» означает, что при совершении преступления субъект должен руководствоваться определенным мотивом и преследовать соответствующую цель.

Что касается употребления признака «эмоциональное состояние» при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья, то автором верно, на наш взгляд, указывается, что оно является самостоятельным признаком субъективной стороны состава преступления. При этом эмоциональное состояние выступает в двух ипостасях: во-первых, как факультативный признак субъективной стороны, который может учитываться судом при назначении наказания либо освобождении от него; во-вторых, как привилегирующий признак состава преступления (с. 152-162).

В диссертации обоснованно отмечается, что нельзя смешивать понятия аффекта, с одной стороны, и внезапно возникшего сильного душевного волнения, с другой стороны (с. 162-165). Действительно, глубина изменений в психике при

внезапно возникшем сильном душевном волнении гораздо больше, чем при аффекте. Поэтому есть основания поддержать идею автора о включении в диспозиции ст. 107 и 113 УК РФ обобщенного понятия «аффектированное состояние» (положение № 5, вынесенное на защиту – с. 12, 165-166, 175-176). При изучении этого признака соискателем разработана дефиниция термина «иные противоправные или аморальные действия», под которыми предлагается понимать действия (бездействие), как предусмотренные статьями УК РФ, но не подпадающие под признаки насилия, издевательства или оскорбления, так и не предусмотренные уголовным законом, но связанные с нарушением требований норм иных отраслей права или морали. Заслуживает также внимания предложение о закреплении в ст. 61 УК РФ смягчающих наказание обстоятельств, связанных с эмоциональной составляющей благих намерений (с. 184).

Следует подчеркнуть, что автореферат диссертации отвечает предъявляемым требованиям и адекватно отражает содержание диссертации. В опубликованных И.Н. Улитиным работах нашли достаточно полное отражение полученные в ходе научного исследования результаты, в том числе в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ. Несомненным достоинством работы является ее изложение юридически грамотным и доступным языком.

Весьма положительно оценивая подготовленный И.Н. Улитиным труд, представляется необходимым, вместе с тем, обратить внимание на ряд дискуссионных его положений.

1. Представляется спорным и требующим дополнительного осмысления положение № 1, вынесенное на защиту, о характере взаимосвязи рассматриваемых в диссертации признаков. По мнению автора, эмоциональное состояние, с одной стороны, и цель с мотивом совершения преступления, с другой стороны, «выступают первопричинами по отношению друг к другу» (с. 10-11, 30). Как известно, по поводу старой загадки, что первично курица или яйцо, в научных и философских кругах сломано немало копий. Но если спроецировать на этот извечный спор «вариант с первопричинами» И.Н. Улитина, то будут окончательно сломаны все стереотипы. И все же осмелимся ответственно заявить: с позиции и философии, и логики, и здравого смысла не может быть одно и то же явление и первичным, и вторичным по отношению к другому. Собственно говоря, в положении № 4 это признает и сам автор, указывая, что именно «эмоции лежат в основе формирования мотивации и конечной цели» (с. 12). Первичны эмоции или нет, это тема отдельного диспута, но в данном случае важно другое: если автор ставит их в формуле психического процесса преступника на место перед мотивом и целью, то, будучи последовательным, он должен признать их первичность. Тот факт, что в определенный момент времени в процессе развития психической деятельности человека начинают доминировать мотив и цель, никоим образом не свидетельствует об их первичности (поскольку, по версии самого же автора, это происходит *на последующих этапах*).

2. Поддерживая идею дополнения УК РФ нормой об убийстве из сострадания, полагаем, что авторский проект диспозиции ст. 105.1 имеет резервы для оптимизации («убийство, совершенное по мотиву сострадания по просьбе потерпевшего с целью избавления его от невыносимых страданий, вызванных имеющимся у него тяжелым заболеванием» – с. 133). В международных документах, на которые ссылается сам же автор, обосновывая свой проект, говорится о том, что «врач не продлевает мучения умирающего, прекращая по его просьбе, *а если больной без сознания – по просьбе его родственников*, лечение, способное лишь отсрочить наступление неизбежного конца» (п. 3.1 Венецианской Декларации о терминальном состоянии, принятой 35-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, 1983 г.). С учетом этого полагаем логичным и в рассматриваемой норме предусмотреть случай убийства неизлечимого больного, мучительно умирающего, по просьбе одного из его родственников.

3. Отдавая должное усилиям И.Н. Улитина по искоренению синекдохи (синонимии множественного и единственного числа) из УК РФ (и поддерживая его мнение о необходимости употребления соответствующих слов в единственном числе), отметим, что в ряде своих предложений и сам соискатель не избежал этого дефекта. В частности, п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ в работе предлагается изложить следующим образом: «с целью использования тела, органов или тканей потерпевшего» (с. 151). Полагаем, что и здесь будет уместно указать на органы или ткани в единственном числе.

4. Небезупречным с позиции законодательной техники представляется нам и авторское предложение о необходимости дополнения ст. 106 УК РФ примечанием с расшифровкой термина «психотравмирующая ситуация» (с. 172, 176). Во-первых, использование в данном случае примечания нецелесообразно. Приоритетной формой выражения признаков состава преступления является диспозиция статьи и в данном случае не усматривается веских оснований для отступления от этого правила (определяется отнюдь не универсальный термин, а для целей одной только ст. 106; и т.д.). Во-вторых, не свободна от недостатков и редакция дефиниции: «Под психотравмирующей ситуацией... следует понимать совокупность... обстоятельств, отрицательно воздействующих на психику женщины, вызывающих отрицательные эмоции у матери...». С позиции языковых требований такое многословие неоправданно, поскольку ясно, что отрицательные эмоции есть частное проявление отрицательного воздействия на психику.

5. Наконец, небесспорно предложение о дополнении ст. 60 УК РФ ч. 4 в следующей редакции: «При назначении наказания лицу, признанному виновным в умышленном преступлении, учитываются его эмоциональное состояние во время совершения преступления, мотивы и цели преступления» (с. 28). Это предписание представляется избыточным, поскольку мотив, цель и эмоции и сегодня принимаются судом во внимание при назначении наказания на основании ч. 3 ст. 60 УК РФ как одни из показателей степени общественной опасности содеянного.

Однако, несмотря на сделанные замечания (к тому же небесспорные), констатируем: И.Н. Улитиным выполнена комплексная, законченная и творческая научно-квалификационная работа, которая производит благоприятное впечатление и содержит решение актуальной задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовой науки, – насущных теоретических, практических и законодательных проблем факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья. Представленная диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Предложенные в работе решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Таким образом, данная диссертация в полной мере соответствует критериям, которым должна отвечать кандидатская диссертация в силу п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020). Поэтому ее автор – **Улитин Илья Николаевич** – заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

«26» мая 2021 г.

Декан юридического факультета,
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный университет им. П.Г. Демидова»,
доктор юридических наук, доцент

 Артем Владимирович Иванчин

150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
тел.: 8 (4852) 30-85-21; 8 (910) 664-13-13
e-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Подпись заверяю:
Заместитель начальника управления-
директор центра кадровой политики
 Л.Н. Куфина